

ПРОЛОГ

В бане было... Как в бане. То есть жарко. Правильную температуру поддерживали разогретые камни, которые по мере остывания заменялись новыми, раскаленными. Этим, естественно, занимались рабы, и они старались, потому что рассердить Рагнара-конунга — это очень страшно. Но еще страшнее, если нерадивый трэль удостоится недовольства его сына Ивара. Тогда лучше сразу — головой об эти самые камни.

— Летом — не то, — лениво пробасил Рагнар. — Вот зимой — да-а-а... Да потом — в ледяную воду...

— А мне и летом хорошо, отец, — старший сын великого конунга махнул рукой, и девка шустро подлила горячей воды в таз, в который были опущены ноги Ивара Бескостного.

Подлила и залюбовалась: ох и красивы оба, что сын, что отец. Рагнар — помощнее, пошире. Тяжелые, покатые плечи, испещренные рунами и картинками, таят чудовищную силу. Говорят, великий конунг может быку шею свернуть, ухватив за рога. Живот у конунга гладкий, подернутый жирком, — хорошо кушает хозяин Роскилле, да и пьет не меньше. Потому что богат безмерно. А зачем богатому отказывать себе в удовольствиях? Нравится девке Рагнар-конунг. От такого сына родить — великий воин будет. Но безразлична банная девка Рагнару. Не про нее великий конунг данов.

Ивар, сын Рагнара, тоже красив. И молод: может, двадцать зим, может, двадцать пять — девке неведомо. В плечах широк, почти как отец, но жира на нем — ни капли. Бугрятся, переплетаются мощные мышцы под белой кожей. Все на виду. Живот — как из плит каменных, на животе — дракон свернувшийся. Двигается Ивар — двигается и дракон. Рисунок свежий, раньше его не было. Глянул Ивар на девку... И вдруг подмигнул. Девка обомлела, едва ковш не уронила. Нет, от Ивара она сына не хочет. Страшно с таким любиться. Даже и подумать о таком. Отводит девка взгляд. Раньше она другой была: веселой, дерзкой... За дерзость ей прежний хозяин язык и вырвал. Зато теперь конунги могут говорить при ней о важном. Никому не расскажет.

— Есть у меня дело для тебя, сын, — говорит Рагнар, почесывая спину скребком. — Хочу, чтоб ты в вик¹ сходил.

— К франкам?

Рагнар качает головой, ловит и давит вошь в бороде.

— Не к франкам. Зачем стричь овцу, у которой шерсть не отросла. Англия — вот твоя цель. Пощупай, есть ли жирок у тамошних свинок. Стоит ли братья за них всерьез?

— Нореги берут, — замечает Ивар.

— Нореги не мы. Нореги поросеночка украдут — и довольны. А я заберу всё стадо. Но сначала разведать надо. Земель много, не всякая нас достойна.

— Я сделаю, отец, — говорит сын.

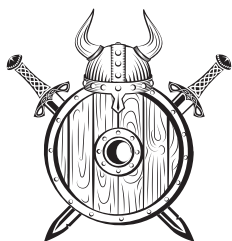
Этого довольно.

¹ Вик — поход. Военный. Как правило, разбойничий.

Рагнар с удовольствием глядит на сына. Истинный Инглинг. Под рукой отца ходит, но советы отцовы ему больше не нужны. Своя голова, своя сила. Один² его любит. И Рагнар его тоже любит. А он — отца. Хорошие сыновья уродились у Лотброка, любят его боги Рагнара Сигурдсона...

² Один — главный бог скандинавского пантеона. Одноглазый, беспощадный, коварный... И мудрый, что характерно. Желаящим узнать его поближе, рекомендую поинтересоваться, при каких обстоятельствах Один остался без глаза. Ах да. Его еще называют Отцом Воинов. И Отцом Лжи. А любимые его птицы — вороны.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой новоиспеченного хёвдинга
Ульфа Черноголового приглашают
в гости к конунгу

Когда посланцы Ивара Рагнарсона въехали в ворота моей усадьбы, я занимался важным делом: сидя на скамейке у крылечка собственного «длинного» дома, осуществлял общее руководство тренировкой моих будущих дренгов³. Руководство непосредственное я делегировал Скиди. Тренировка — дело ответственное. Требует от непосредственного руководителя немалых физических усилий. Несolidно как-то для «целого» вождя-хёвдинга самолично дубасить тинейджеров-кандидатов. Так что я не гонял новобранцев сам, а поручил сие важное действие моему «главному ученику» и полноценному дренгу Скиди Оддасону. То есть я вовсю пользуюсь преимуществами, которые дает звание вождя. А я и есть вождь. Ульф Вогенсон по прозвищу Черноголовый. Так меня зовут здесь, на средневековом острове Сёлунд, мои друзья и недруги, суровые скандинавские викинги. По моим прикидкам, сейчас где-то середина девятого века нашей эры, а родился я существенно позже, в конце века двадцатого. И там

³ Дренг в данном случае — младший боец скандинавской дружины-хирда.

меня звали скромнее: Николай Григорьевич Переляк. Однако сейчас я здесь. И не жалею. Сбылись мечты... Мои, короче. Из времени, где каждый сам за себя и один лишь президент... за все финансовые потоки, я попал в мир, где целая толпа очень достойных людей запросто рискнет собственной жизнью, чтобы спасти мою. И я сделаю ради них то же самое. А еще у меня есть прекрасная невеста, собственный корабль и меч, который принес мне всю эту роскошь. Никакого волшебства. Разве что немного удачи. Это потому, что местные боги ко мне благоволят. Так говорят здешние специалисты, и у меня нет оснований им не доверять. Тот удивительный факт, что я жив и счастлив, сам по себе — отменное доказательство моей потрясающей везухи. Так что я действительно счастлив.

Но вернемся к моему лучшему ученику.

Скиди, сын Одды-хёвдинга. Сирота. Папа погиб лет шесть назад, мама умерла еще раньше. Но не спешите выражать юноше сочувствие. Лучше посочувствуйте его врагам. В свои шестнадцать юный Оддасон выше меня на полголовы и орудует мечом на пядь длиннее моего Вдоводела. Что же до взрослости, то, в отличие от меня, всё еще ходящего в женихах, Скиди — полноформатный муж. Его жена Орабель — дочь французского барончика, когда-то считалась моей наложницей, но уже почти два месяца состоит со Скиди в законном браке, и одно только ее приданое тянет на три таких гренда⁴, как мой.

Однако, несмотря на свой немалый социальный статус, молодой Оддасон — мой ученик и пребудет в этом качестве, пока я не решу иначе. А следовательно, парень делает то, что я велю. Велено ему гонять по моему просторному двору восьмерых потных недорослей, своих

⁴ Небольшое поместье.

ровесников, — гоняет. А поступит команда, скажем, надрать им задницы ремнем, надерет без вопросов. То есть сначала надерет, а потом вежливо поинтересуется: в чем смысл экзекуции?

Смысл же нынешней тренировки очевиден. Молодняк уже часа два потеет, вновь и вновь повторяя маневр, который можно определить как «поворот в плотном пешем строю во время атаки».

Звучит знатно. Выглядит куда менее внушительно: семь раскрасневшихся датских пареньков и еще один словенский, такой же распаренный, бодрой рысью, пыхтя и громко топя, несутся сначала в одну сторону, потом по команде разворачиваются и галопируют в указанном Скиди направлении.

Главная трудность маневра заключалась в том, чтобы не размыкать строя, — это раз, и не «обнажать» фланг — это два.

Строй в этом средневековом мире — это наше всё. Кто держит строй, тот жив, кто не держит — удирает во все лопатки, а победоносный враг норовит продырявить эти лопатки всяким острым железом.

Само собой, в любом правиле есть исключения. Например, когда ты — берсерк. Но будь ты хоть сам инеистый великан — когда на тебя обрушивается ливень стрел и обвал копий, ты очень быстро перемещаешься из Мидгарда, то бишь мира срединного, повыше или пониже. В зависимости от того, как отнесутся местные боги к твоей покинувшей тело душе. Но пока ты в строю, под защитой собственного и дружественных щитов, есть надежда, что твое место за праздничным столом Асгарда еще некоторое время попустует.

Эту простую истину знали еще древние римляне чуть ли не за тысячу лет до рождения великого конунга Рагнара Лотброка. Воткни во вражеский щит пару-тройку

увесистых дротиков-пилумов, и рука, держащая этот самый щит, очень скоро притомится и опустится, вскрывая строй так же верно, как удар закованного в железо всадника. А за щитом даже такой криворукий подросток, как Нотт Поросёнок, получает свой шанс на еще раз поужинать. Пока держит строй, разумеется.

Правый фланг короткой молодежной шеренги замыкал Ренди Чёрный, родной брат Свана Чёрного, хирдмана самого Бьёрна Рагнарсона.

Спросите: почему в таком случае братец Ренди — у меня? Всё просто. Сван попросил своего родственника и моего побратима Свартхёвди Медвежонка взять недоросля на воспитание. Тут так принято.

Ренди пока еще не воин. Заготовка. А на правом фланге стоит не потому, что обогнал прочих в росте, а потому, что левша. Следовательно, щит у него — в правой руке. И прикрывать им правый же бок — сподручнее.

На левом фланге — мой протеже и названный сын Вихорёк, принятый в род под именем Виги. Самый мелкий из молодых. Вдобавок словенин, а не дан. Да еще — из рабов бывших. Вот почему остальные, коренные сёлундцы из «хороших» семей, держат парнишку на дистанции. Нет, не угнетают. Еще чего не хватало! Но в команду не принимают. А это, даже если отбросить всякую личностную часть, плохо для дела. И сейчас тоже сказывается. Между Вихорьком и остальными нет синхронности, и по этой неуважительной причине между Вихорьком-Виги и его соседом Гренделем Улиткой постоянно образуется зазор...

И Грендель уже в третий раз получает каменюкой в бочину, так как обучение под руководством Скиди носит сугубо прикладной характер. Во всех смыслах.

Тем не менее прогресс очевиден. Поначалу мои будущие дренги вообще копыями путались. Работа в строю —

дело непростое. Уж кто-кто, а я об этом отлично знаю, потому что сам поначалу работал в строю, «как жердина от коровьего загона», по меткому выражению нашего вождя Хрёрека Сокола.

Но я отвлекся. Итак, четверо незнакомцев появились на моей земле ближе к полудню. Я углядел их, едва они выехали на пригорок. Четверо верховых. Грозных не по-детски. В доспехах и шлемах, несмотря на жаричу.

Однако, когда незваные гости въехали во двор, я понял, что железо они напялили недавно — даже вспотеть толком не успели.

Тоже неудивительно. Защиту здесь надевают в трех случаях: непосредственно перед дракой, двигаясь по опасной местности или же для форсу. Дорога здесь безопасная, а нападать на меня, в моем собственном доме, всего лишь вчетвером — нерационально.

Так что я уверенно выбрал третий вариант.

Лидер четвертки — настоящий тролль с виду. Причем далеко не бедный тролль. Доспехи на нем очень даже недешевые. И можно не сомневаться, что напялил он их не более десяти минут назад. Да и копьё к седлу громила приаттачил, то есть приторочил, тоже недавно. А до того, готов поручиться, всё это добро ехало вон на той заводной лошадке, ибо под такой тушей да еще с таким количеством металла тот конек, что сейчас под ним, пробежал бы от силы пару миль. А эти крушители черепов небось из самого Роскилле чешут. Только там такие «тролли» и водятся. В хирдах Рагнара-конунга и его кровожадных... прошу прощения! Его славных сыночков.

Громила остановил лошадку в пяти шагах от меня. Вдумчиво оглядел истекающих потом молодых. С седла. Неопределенно хрюкнул. Затем спешился.

Его спутники поступили аналогично. Судя по тому, как они это сделали, лошадей эти громилы рассматривали исключительно как транспортное средство. Убивать они, как и подавляющее большинство викингов, предпочитают на своих двоих. После моих французских приключений я в таких делах разбираюсь.

Когда к тебе домой приезжают четверо незнакомых головорезов (никого из четверки я не знал, но их матерость в сфере смертоубийства совершенно очевидна), то даже такому авторитетному в здешних краях человеку, как я, следует держать ухо востро...

Опаньки! А значки-то у них — знакомые. Меня «осчастливили» визитом славные хирдманы Ивара Рагнарсона по прозвищу Бескостный. Почему — славные? Да потому, что Ивар других не держит. Только самых-самых.

Ивар ко мне благоволит. Не скажу что я этому факту рад, но всё же так значительно лучше, чем ходить у Бескостного в неприятелях. Потому что те, кто несимпатичен Ивару Рагнарсону, делятся на две категории: те, кто уже на том свете, и те, кто вскорости туда отправится. Причем первую категорию можно считать везунчиками. Ивар — высочайшего класса специалист по вопросам умерщвления. Подходит к этому делу творчески, а творчество викингов в данной области... Короче, не дай бог...

Итак, Ивар мне благоволит. Проблема только в том, что рядом с ним мне хочется превратиться в маленького дождевого червя и закопаться на три метра в грунт.

Но это, так сказать, личное. К делу не относится. Отец Воинов Один велит нам привечать гостей, независимо нашей к ним симпатии. Гости положено пригласить в дом. Накормить-напоить, в постельку уложить. А после выделит сухой паек на дорожку.

Однако и гость должен быть вежливым. Представиться. Попросить по-хорошему. Короче, проявить уважение

и скромность. Что тоже отмечено в «божественных» инструкциях.

Человек-тролль из Иваровой дружины, судя по всему, хорошим манерам не обучался.

Подошел вплотную, навис надо мной, аки железная башня, и рывкнул без всяких политесов:

— Ивар Рагнарсон хочет тебя видеть!

Вот так сразу, на пороге моего дома. Никакого уважения. Нет бы спросить вежливо: как здоровье хозяина, его скота, его домочадцев?

Я в курсе, что таким, как этот носорог, вежливость не свойственна. Но здесь не какая-нибудь Франция, где рыцари герцогов-графов могут глядеть на прочих как на мусор. Здесь вольная датская земля Сёлунд. Причем этот кусок ее — лично мой. Так что извольте, господин тролль, проявить ко мне уважение.

Не отвечаю. Гляжу на Иварова хольда с характерным выражением: «А ты кто такой?»

«Тролль» крупнее меня раза в два. А в доспехах и во все три.

На мне доспехов нет, только меч у пояса (как же без него), моя репутация (не может «тролль» о ней не знать, в Сёлунде о ней все знают) и Закон.

Хренушки он мне что-то сделает. И не потому, что во дворе — моя вооруженная молодежь. Все они, включая Скиди, такому — на один зуб.

Но если «тролль» со своими попытаются меня беспричинно избить (что технически возможно), то потом им придется быстренько освободить землю нашего острова от своего присутствия. А возможно — и всю территорию Дании, потому что даже простого вольного бонда обижать нельзя, а уж такого как я — и вовсе. Разве что сам Ивар может. Но и он не вправе требовать, чтобы я примчался к нему, поджавши хвостик. Он может только просить.

Хотя таким, как старший Рагнарсон, отказывают только психи. Или другие конунги. А я пока что не конунг, а свежевывулупившийся вождь дружины, в которой не наберется и десятка полноценных бойцов. Нет, я не отказываю. Я молчу.

«Троль» тоже молчит. Демонстративно облизывается. Намекает, что неплохо бы ему горлышко промочить. Попьет — и станет уже не потенциальным, а состоявшимся гостем. Со всем нашим уважением.

Но я намек не понимаю. Стою в дверях, держа рожу кирпичом. Представляю, каким меня видит этот громила. Мелкий чернявый волчишка, растопырившийся на дороге медведя. Сущая мелочь... А не сдвинешь.

Молодняк прекратил тренировку. Глазеют. Ага, Скиди подозвал Вихорька, сказал что-то — и паренек, положив копье и щит, ломанулся в сторону берега.

Это правильно. На берегу сейчас Свартхёвди, Ове Толстый и Стюрмир кораблю нашему техобслуживание делают. Им стоит знать, что у нас — гости.

Громила шумно вздохнул, гулко откашлялся... И наконец соизволил представиться. Гримар Скаммхальс. То бишь Гримар Короткая Шея. Короткая Шея — это ему кто-то польстил. Лично я у него вообще шеи не увидел. А что, неплохо звучит. Гримар Бесшейный, хольд⁵ Ивара

⁵ Напомню для интересующихся градацию уровней внутри скандинавской дружины-хирда. Младшие, дренги, примерно соответствуют нашим отрокам. Следующий уровень — хускарлы. За ними — хольды. Эти — вроде десятников. За хольдами — хёвдинги-вожди. Что-то вроде сотников. Впрочем, хёвдинги могут действовать и самостоятельно. Также этот термин означает юридически значимого человека, Законоговорителя... Специалисты наверняка оспорили бы мою «табель о рангах», поскольку единого мнения о том, что именно значил, например, термин «хускарл» в описываемое мною время, у историков нет. Но для удобства своего и читателя я предлагаю остановиться именно на таком варианте.

Бескостного. Гримар, кстати, это от грима. Так называется та часть закрытого шлема, что личико закрывает. Защита. Гримар, получается, защитник. Ну да, в хоккее он бы в роли защитника выглядел уместно. Хрен проскочишь. Но по жизни я бы его в нападающие взял. А лучше — самоходным тараном. С такой комплекцией не двери — ворота выносить. Приплюснутая, похожая на репу голова вырастает прямо из бугрящихся немереной мышцей плеч, а подбородок, размеры которого не в силах спрятать даже кудрявая бородаща, лежит прямо на бочкообразной груди. Голос у Гримара — соответствующий. Гудит, как из бочки:

— Ивар-р! Р-рагна-ар-рсон! Хо-очет!..

Хочет, значит, видеть меня Одинов любимчик. Вопрос: а я хочу его видеть? Ответ: ни малейшего желания. Мне и дома неплохо. Опять-таки невеста у меня красы неопи-суемой. Любушка моя Гудрун... Как раз вышла поглядеть, кто тут к нам в гости набивается.

Ух как этот Гримар на нее вылупился. Аж пальцами шевелит, так сграбастать хочется. Но — нельзя. Не в вике, чай. На Сёлунде закон строг. И главный гарант его — папа Ивара Бескостного, легендарный конунг Рагнар Лотброк, первый разбойник, ах, прошу прощения, первый воитель этого средневекового мира.

— Горло промочить... — рычит посланец Ивара.

Обычай есть обычай. Гудрун срывается с места, набуль-кивает полный ковш пива... И я перехватываю у нее ковш и самолично подаю его человеку Ивара.

Выражение глубочайшего разочарования легко читает-ся на этом, с позволения сказать, лице.

Еще бы! Если гостю подносит ковш дева, то после испи-тия следует поцелуй. Так по обычаю.

А вот хренушки! Нечего всяким троллям мою невесту сальными губищами мусолить. Тем более — лапами хватать.

Но пиво — доброе. По мнению многих, лучшее пиво на Сёлунде. Так что после исчезновения полулитра напитка в волосатой пасти хольда лик его, сходный с резными рожами местных зверообразных идолов, обретает умиротворенное выражение.

— Х-ха! — со вкусом выдыхает он, благодарно рыгает и перемещает внимание с соблазнительных бедер моей невесты на покоящийся у очага бочонок. Да, я выпустил их в дом. Теперь они — мои гости.

И мне положено предложить гостю откусывать с дороги. Что я и делаю.

Хольд реагирует позитивно. Взгляд его то и дело косит в сторону бочонка.

Красавица Гудрун улыбается. Ей нравится Гримар Скаммхальс. Еще бы! Разодет могучий хольд в шелка и отменно выделанную кожу. А уж сколько на нем драгметаллов! А оружие какое! А пояс!..

Улыбка делает Гудрун еще прекраснее. Если такое возможно. Медвежьи глазки опять берут на прицел мою невесту... Но пиво опять перетягивает, и взгляд смещается в сторону бочонка... И опять — на Гудрун. Пусть себе глязет. И завидует.

— Не откажутся ли славный Гримар-хольд и его люди разделить с нами трапезу? — повторяю я.

Предложить перекус — это по обычаю. А еще — политический ход с моей стороны. Спроси я Гримара напрямик: какого хрена надо от меня Ивару — он бы наверняка ответил: вот у Ивара и узнай. А под пиво, да под угощение, да под восхитительную улыбку Гудрун «тролль» наверняка разомлеет и выдаст какую-нибудь полезную информацию.

— Хавчик! — рявкаю я.

Мой шустрый раб появляется через полсекунды. Только и ждал, когда позовут.

— С обедом распорядись! — командую я.

Собственно, вопросы приема пищи — это теперь дело Гудрун.

Но Хавчик сообразительнее и расторопнее. И сделает всё не как только, так сразу, а вовремя. То есть когда подтянутся мои люди. Таким, как этот хольд, полезно осознать, что Ульф Черноголовый — не простой хускарл, а вождь. С пусть и небольшой, но вполне боеспособной дружиной.

Потому что Закон Законом, но право силы никто не отменял. А для таких головорезов, как Гримар и его хирдманы, закон, авторитет и реальная сила гораздо лучше, чем только закон и авторитет. Жаль, что мои нореги нынче оттягиваются в Роскилле.

Впрочем, и без норогов за моим столом соберется неплохая компания. Свартхёвди Медвежонок. Мой названный брат и родной брат Гудрун.

Ове Толстый. Коренной датчанин из хорошего рода, могучий боец и мой личный кормчий.

Стюрмир. Простой, как удар секирой по черепушке. Зато — с личным богом за пазухой: статуэткой Будды, восседающего на лотосе. Нет, не буддист. Нормальный средневековый викинг. Друг.

И конечно, Скиди, единственный сын Одды-хёвдинга, трагически погибшего во время игры в мяч от рук самого Сигурда Рагнарсона. Никаких претензий со стороны семьи погибшего. Несчастный случай. А Рагнарсон даже верегельд, то бишь выкуп за убийство заплатил, хотя мог бы и обойтись. Потому что — игра. И потому что — Рагнарсон. Сыновья Рагнара Лотброка платят верегельд только тогда, когда сами желают. К примеру, Ивар Бескостный, который ныне возжаждал меня видеть, не платит верегельд принципиально. Хотя убивает частенько. И, как сказано выше, — с изощренной фантазией.

Обычно со мной за столом сидят и другие: отец Бернар, англичане Дикон с Уиллом, сарацин Юсуф, Вихорёк... Не сегодня.

Это мой дом, и я вправе сажать за стол кого пожелаю. Однако наличие за общим столом, к примеру, монаха наверняка вызовет непонимание у хускарлов Ивара.

Здесь, на Сёлунде, считается, что хороший монах — это монах ободранный до нитки и повешенный на дерево. На радость Одину. К англичанам и сарацинам славные датские викинги относятся лучше. Не вешают, а используют для хозяйственных работ. В свиарнике, например.

У меня тоже есть рабы. Достались как приложение к поместью. Надо ж кому-то и свиньями заниматься.

Мои англичане на роль свинопасов не годятся. Слишком хорошо из луков стреляют. Тем не менее за один стол с Гримаром я их сажать не буду. Лучше не надо.

— Гримар! Бык волосатоухий! — Свартхёвди ввалился в дом и сходу треснул посланца Ивара кулачищем в грудь. Кулак не пострадал. Грудина — тоже. Под ярким шелковым «жилетом» у Гримара — панцирь с поддоспешником.

— Медвежонище! — Пасть хольда распахнулась в щербатой улыбке. Искренней.

Бум! Это уже Свартхёвди долбанули в грудную «бочку».

— Так и знал, что тебя увижу! — прогудело из «бочки». — Ты обманул меня! Обещал отдать сестру мне, а теперь что я вижу?

— А видишь ты моего брата Ульфа Вогенсона! — осклабился Медвежонок. — Хотя он такой маленький, что его можно и не заметить!

Шутник, блин.

— Он достаточно велик, чтобы его заметил Ивар Рагнарсон, — рокотнул Короткая Шея.

Свартхёвди враз посерьезнел.

— Ивар?

— Я теперь — его человек, — сообщил Гримар. — Харек Младший мне больше не по нраву.

Харек Младший (Младший — чтоб не путать с предыдущим, уже отошедшим в мир иной) — главный конунг Дании. Большой человек.

Но не для Рагнарсонов.

— Понимаю, — кивнул Медвежонок. — С Иваром-то повеселее. — И уже мне, указывая на Гримара: — Родич наш. Сын племянника жены деда младшего брата моего отца.

Без запинки выговорил, однако.

О как! По здешним понятиям, Гримар — близкий родственник. Медвежонок. И следовательно, мой. Теперь нам положено обняться? Нелегкое будет дело. Тулово у Короткой Шеи — в два моих объёма. А в доспехах — все три.

— А сестра твоя еще краше, чем я думал, — пророкотал Гримар. — Знал бы, давно уж посватался. Меня он что, игнорирует?

— Женихов у Гудрун хватало и поважней тебя! — засмеялся Свартхёвди. — Ты, Гримар, скажи лучше, что Рагнарсон хочет брату моему предложить. Сам-то Ульф не спросит, потому что гордый. Что ему с каким-то хольдом разговаривать, а вот мне интересно.

— Да я и сам не знаю, — прогудел Короткая Шея. — Конунг сказал: «Пойди и скажи Ульфу Вогенсону, что я хочу его видеть». Он велел, я пришел и сказал. Значит, не стоит мне свататься к твоей сестре, Медвежонок?

— А сам как думаешь? — удивился Свартхёвди. — Гудрун — обрученная невеста Ульфа. Живет в его доме, свадьба — осенью.

— Ага, — человек-тролль уставился на меня. Я, кажется, слышал, как прокручиваются у него в башке мысли. Медленно, со скрипом, будто жернова водяной мельницы.

Прокрутились. Перемололи.

— Я бы поел, — резюмировал Гримар-хольд. — Что не зовешь, хозяин? Или не уважаешь?

Вообще-то я звал. Только что. А вот хамить мне не стоит. Даже троллям.

— Если тебе что-то не по нраву в моем доме, я тебя не удерживаю, — ледяным тоном произнес я.

— Эй, братец! — возмутился Свартхёвди. — Разве можно гнать гостя, тем более родича?

— А я его и не гоню, братец! Но родич, который станет указывать мне в моем доме, рискует остаться голодным. К тебе это тоже относится.

Медвежонок уставился на меня. Пытался въехать: шучу я или всерьез?

— Ты, братец, посторонись, — попросил я. — Дай войти уважаемым людям!

Стюрмир и Ове Толстый.

— Ха! — воскликнул Ове. — Гримар! Ты что тут делаешь? Как дела у Харека-конунга? Можешь ему передать, что мы теперь тоже любим христиан⁶. Мы взяли у них много хороших вещей, а наш хёвдинг, — кивок в мою сторону, — даже заполучил отличного лекаря из жрецов франкского бога. Хочешь поговорить с ним о вере? Он это любит. Ульф, я так понял: ты звал нас к обеду. А где еда?

— Ты всё такой же болтун, Толстый! — дружелюбно пророкотал Короткая Шея. На фоне Ове он уже не казался таким здоровенным. — Я ушел от Харека. Теперь мой

⁶ Харек Второй Младший, датский конунг с 853 года, сначала закрыл церковь в Хедебю, но через год снова ее открыл и разрешил построить церкви в Риве и Бирке.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	3
Глава первая, в которой новоиспеченного хёвдинга Ульфа Черноголового приглашают в гости к конунгу	6
Глава вторая. Игра в мяч по-скандинавски	22
Глава третья, в которой Ульф Черноголовый сначала получает предложение, отказаться от которого смертельно опасно, а потом — вызов на поединок	32
Глава четвертая, в которой герой сначала мечтает, потом — печалится, а в итоге придумывает схему успешных тренировок	47
Глава пятая, в которой герой планирует будущее и наслаждается семейными ценностями	60
Глава шестая. Пусть победит лучший!	69
Глава седьмая. Политика, пьянка и открытый контракт с Иваром Рагнарсоном	85
Глава восьмая. Путь на север	99

Глава девятая, в которой герой убеждается в том, что конунг в Норвегии — это совсем не то, что аналогичная должность в Дании	103
Глава десятая, в которой герой находит друга, который ему нужен, и специалиста, который нужен Ивару	111
Глава одиннадцатая, в которой герой близко знакомится с настоящим вестфольдским конунгом.	116
Глава двенадцатая. Пираты!	126
Глава тринадцатая. Трофеи.	140
Глава четырнадцатая. Трофеи (продолжение)	146
Глава пятнадцатая. Сон и реальность.	156
Глава шестнадцатая. Бунт на корабле	162
Глава семнадцатая. Страндхуг	168
Глава восемнадцатая, в которой позывы совести превращаются в голос богов	179
Глава девятнадцатая. Дома	186
Глава двадцатая. Через Северное море. Хорошее начало как повод готовиться к неприятностям.	190
Глава двадцать первая, в которой герой высаживается на берег и воочию убеждается, насколько здесь им, викингам, не рады	196
Глава двадцать вторая. Добрый хёвдинг Ульф Черноголовый.	209
Глава двадцать третья. Воссоединение	216

Глава двадцать четвертая. Ночной рейд	228
Глава двадцать пятая. Битва.	239
Глава двадцать шестая. Йорк неприступный.	252
Глава двадцать седьмая. Ловушка	259
Глава двадцать восьмая, в которой герой попадает на поминки по-скандинавски	272
Глава двадцать девятая. Пир Рагнара Лотброка	278
Глава тридцатая. Свадьба	293
Глава тридцать первая. Свадьба (продолжение).	307
Глава тридцать вторая. Свадьба продолжается. День четвертый.	317
Глава тридцать третья. Набег	323
Глава тридцать четвертая, в которой один закаленный клинок крушит доспех, а другой разбивается о сырое железо	338
Глава тридцать пятая. Последний бой хирда Ульфа Черноголового	348
Глава тридцать шестая. Те, кто выжил.	360
Глава тридцать седьмая. Те, кто выжил (продолжение).	366
Эпилог	375